

Зерзан Джон. Город и его узники

2018, источник: [здесь](#), перевод - Иван Смирнов.

По мере того, как одомашнивание происходило в неолите, волна урбанизации вскоре начала охватывать планету.

Город — это барьер между своими узниками, миром незнакомцев. Как описал Пьер Манент, город - это что угодно, но не семья или сообщество. "В реальности город подчиняет семьи и группы... Он изымает молодого мужчину из его семейной жизни и возвращает его труп".[1]

По мере того, как усложнялись технологии и развивалась социальная организация, появлялись города. Город-машина был самым ранним и самым большим технологическим феноменом, кульминацией разделения труда. Или, как Льюис Мамфорд охарактеризовал его, "Отличительной чертой города является его целенаправленная социальная сложность".[2] В данном контексте все эти определения имеют место быть. Города - это самые сложные из когда либо созданных искусственных конструкций, а урбанизация является одним из основных показателей общественного развития.

Грядущий город-мир завершит свою войну с природой, уничтожив её в пользу всего искусственного и ненатурального, сведя сельскую местность к простым "пригородам", соответствующим городским приоритетам. Все города противоположны земле.

Рассказ Серто «Прогулка по городу» обладает довольно жутковатой атмосферой, учитывая его тематику и тот факт, что он был написан в 2000 году. Серто считал Всемирный Торговый Центр "самой монументальной фигурой" западного урбанизма и считал, что "быть поднятым на [его] вершину - значит быть унесённым силой этого города".[3] Жизнеспособность города вступила в неизбежную стадию сомнений, которая, однако, не была вызвана событиями 11 сентября. Глубокая амбивалентность, ощущавшаяся на протяжении всего периода существования цивилизации, стала гораздо более выраженной.

Одомашнивание сделало цивилизацию возможной, а усиление одомашнивания породило городскую культуру. Первые садоводческие общины - поселения и деревни - были вытеснены городами по мере развития массового сельского хозяйства. Одним из маркеров сдвига к урбанизации стало появление мегалитической монументальности. В археологических памятниках эпохи раннего неолита можно обнаружить все характерные черты города: осёдлый образ жизни, неизменность, плотность, наглядное заявление о победном марше земледелия над собирательством. Упомрачительная городская

централизация стала важным поворотным моментом в эволюции человеческой культуры, знаменуя собой становление цивилизации в ее полном и окончательном виде.

Существовали и негородские цивилизации (например ранняя цивилизация майя), но их было немного. В большинстве своём они являются ключевой особенностью и развиваются с относительной быстротой, как будто энергия, подавленная процессом одомашнивания, должна вырваться на новый уровень своей логики контроля. Однако бурное развитие городов не избежало негативной оценки среди людей. Согласно еврейской традиции, именно Каин, убийца Авеля, основал первый город. Сходным образом, упоминание таких городов как Вавилон, Вавилонская Башня, Содом и Гоморра носят исключительно негативный характер. Глубокая амбивалентность в отношении городов, по сути, является постоянной чертой цивилизации.

Около 4000 лет до нашей эры, когда были разработаны политические средства для направления излишков, созданных агрокультурным хозяйством, в руки правящего меньшинства, появились первые города в Месопотамии и Египте. Такой уровень развития требовал экономических вложений со стороны всё более широких сфер производства; создание крупных централизованных бюрократических институтов было не за горами. Деревни всё больше вовлекались в специализированные стратегии максимизации производства, чтобы получать большие излишки, поступающие в города. Большого производства зерна, например, можно было добиться только с помощью дополнительной работы и большего принуждения. Сопротивление происходило в рамках этой хорошо известной структуры, поскольку более примитивные земледельческие общины были насильственно преобразованы в управляемые города, такие как Ниневия. Приведём ещё один пример - кочевники Синая отказались добывать медь для правителей Египта.[4] Мелкие земледельцы были вынуждены покинуть свои земли и перебраться в города; подобный паттерн поведения мы можем увидеть и в наше время.

Городская жизнь в первую очередь связана с коммерцией и торговлей, при этом жизнеспособность города целиком зависит от поддержки извне. Чтобы гарантировать такое искусственное существование, основатели городов неизбежно прибегают к войне, этому неотъемлемому элементу цивилизации. "Завоевания за рубежом и репрессии дома", по словам Стенли Даймонда, являются определяющей характеристикой городов с самого их зарождения.[5] Например, ранние шумерские города-государства постоянно воевали. Поддержание стабильности рыночной экономики городов было вопросом выживания. Важнейшими потребностями были армия и войны, особенно учитывая экспансионистский рост, свойственный городам. Урук, крупнейший город Месопотамии своего времени (около 2700 г. до н.э.), мог похвастаться двойной кольцевой стеной, укрепленной девятью башнями. С момента зарождения и вплоть до средневековья практически все города представляли собой укрепленные гарнизоны. Юлий Цезарь использовал слово *oppidum* (гарнизон) для обозначения каждого города в Галлии.

Первые городские центры также постоянно демонстрируют ярко выраженную церемониальную направленность. Переход от имманентной, земной духовности к акценту на священные или сверхъестественные пространства получает дальнейшее развитие в виде поистине внушающих благоговение, величественных городских храмов и гробниц.

Возвышение богов в общем соответствовало усложнению и стратификации его социальной структуры. Религиозная монументальность была не только тактикой побуждения к повиновению со стороны власть имущих, но и основополагающим средством распространения одомашнивания.[6]

Однако восхождение к господству началось не только с интенсификацией сельского хозяйства и появлением письменности, как отмечали Чайлд, Леви-Стросс и другие, но и с металлургией. Вслед за неолитом наступил железный век. По словам Тойнби, "если представить рост городов в ходе истории как график, то кривая графика будет соответствовать кривой роста мощности технологий".[7] А с учётом всё большей урбанизацией общественной жизни город можно рассматривать как контейнер. Города, как и уже существующие фабрики, зависят от сдерживания. Города и фабрики никогда по своей сути не являются результатом свободного выбора людей, живущих в них; их там удерживает власть. Аристофан хорошо выразил это в своём произведении "Птицы", написанном в 414 г. до н.э.: "Должен возникнуть город, чтобы дать приют всем птицам; затем вы должны оградить воздух, небо, землю и окружить его стенами, как Вавилон"

Государства в том виде, в каком мы их знаем сейчас, к этому периоду уже существовали, и возникли могущественные города, ставшие столицами - сосредоточением государственной власти.

Политическая власть всегда исходила из этих городских центров. Стены - это определяющие строения городов. В Китае стены буквально считаются синонимом городов; иероглифы, обозначающие "стену" и "город" одинаковы. Основная функция городов - это быть крепостью. Описывая римского императора Константина, Ноэль Ленски также считал развитие городов ключём к укреплению власти; "Городские центры представляли собой узлы гражданской жизни, вокруг которых империя выстраивала свои сети власти". [8] Стремясь к безопасности от природы и чужаков, граждане вскоре стали участниками завоеваний во всех смыслах этого слова.

В этом контексте крестьяне оставляют позади знакомое и ненавистное рабство ради новых, изначально не известных форм рабства и страданий. Город, и без того являющийся ареной местных властей и войн, становится рассадником инфекционных заболеваний, включая чуму, и, конечно же, значительно усиливает последствия пожаров, землетрясений и прочих бедствий.

На протяжении тысяч поколений люди вставали с рассветом и ложились спать после захода Солнца, наслаждаясь красотой восхода, заката и звёздного неба. Но 500 лет назад городские колокола и часы начали возвещать о всё более упорядоченной и регламентированной повседневной жизни, о царствовании городского времени. С наступлением настоящего, прожитое время исчезает, время становится ресурсом, объективированной материальностью. Измеренное, материализованное время изолирует индивида в силовом поле углубляющегося разделения и обособления, постоянно уменьшая целостность. По мере роста урбанизации связь с естественной природой ослабевает; и, как изобразил Хогарт на своих снимках Лондона середины XVIII века, тактильный контакт между людьми драматично сокращается. В это-же время Николя Шамфор заявил: "Париж -

город веселья и радости, где четыре пятых жителей умирают от горя".[9] В "Эмиле" (1762) Руссо выразил это более лично: "Прощай, Париж. Мы ищем любви, счастья, невинности. Мы никогда не будем достаточно далеко от тебя".[10] Всепроникающее влияние городской жизни проникло даже в самые на вид важные политические явления, включая Французскую Революцию. Толпы в революционном Париже часто казались странно апатичными, что побудило Ричарда Сеннета заметить там первые ярко выраженные признаки современной городской пассивности.[11]

В следующем столетии Энгельс, напротив, решил, что именно в городах пролетариат достигает своего "наиболее полного образцового совершенства".[12] Но Токвиль уже тогда видел, как люди в городах чувствуют себя "чуждыми судьбам друг друга".[13] Позже, в 19 веке, Дюркгейм отметил, что число самоубийств и психических расстройств увеличивается по мере роста урбанизации. Фактически город вызывает чувства бесполезности, одиночества и всякого рода эмоциональные беспокойства, что порождает у Бенджамина представления о том, что "страх, отвращение и ужас - вот эмоции, которые вызывает толкотня большого города у тех, кто сталкивается с ней впервые".[14] Технологические разработки в области канализации и прочей санитарии, хотя и необходимы в условиях растущих мегаполисов, также также способствуют дальнейшему росту урбанизации. Жизнь в городах возможна только при наличии такой перманентной технологической поддержки.

К 1900 году Георг Зиммель понял, что жизнь в городах приводит не только к одиночеству, но также к эмоциональной нечувствительности и к замкнутости, которые это одиночество усугубляют. Как заметил Зиммель, это очень похоже на последствия индустриальной жизни в целом: "Пунктуальность, расчетливость, точность навязываются людям сложностью, точностью и масштабностью городской жизни".[15] Городская тоска и бексия, выраженные в ранней поэзии Т.С. Элиота, например, помогают дополнить эту картину неполноценной жизни.

Термин "пригород" (suburb) использовался начиная с Шекспира и Мильтона в самом современном смысле, но сам феномен пригородов по-настоящему появился лишь с началом индустриализации. Такая жилая застройка появилась на окраинах крупнейших городов Америки в период с 1815 по 1860 год. Маркс называл капитализм "урбанизацией сельской местности"[16]; субурбанизация действительно достигла своего расцвета. в современном понимании этого слова, сразу после ВМВ. Усовершенствованные методы массового производства создали физическое единообразие, соответствующее и усиливающее социальное единообразие.[17] Поверхностный, гомогенизированный ландшафт потребительства, огороженный торговыми центрами и автомагистралями, пригород является ещё более деградировавшим результатом развития города. Таким образом, различия между городским и пригородным образом жизни не стоит преувеличивать или рассматривать как качественные. Отстранённость, которой способствует множество высокотехнологических устройств - iPod, сотовый телефон и т.д. - стала сегодня обычным явлением, что весьма показательно.[18]

Цивилизация, как ясно из первоначального латинского значения этого слова, - это то, что происходит в городах.[19] Более половины населения мира сейчас живёт в макдональдизированных городах наподобие Куала-Лумпура или Сингапура, которые так

решительно отвернулись от своего богатого культурного контекста. Императив урбанизации - это постоянная характеристика цивилизации.

Для некоторых людей всё ещё сохраняется некоторая извращенная привлекательность городов, и к тому же стало очень трудно вырваться из под их влияния. В мегаполисе всё ещё есть проблеск надежды на сообщество или, по крайней мере, на отвлекающее развлечение. И некоторые из нас остаются там, чтобы не потерять связь с тем, что мы чувствуем себя обязанными понять, чтобы положить этому конец. Конечно, есть те, кто пытается очеловечить город, создать общественные сады и другие удобства, но города остаются такими, какими были всегда. Большинство горожан просто принимают реальность города и пытаются к ней приспособиться с той же внешней пассивностью, которую они проявляют по отношению ко всему техномиру.

Некоторые всегда пытаются реформировать не поддающиеся реформации. "Давайте создадим новую современность", "новое отношение к технологиям" и т.д. и т.п. Юлия Кристева призывает к "космополитизму нового рода..."[20] Такие ориентации, помимо прочего, свидетельствуют об убеждении, что нынешний уклад общественной жизни неизменен. Макс Вебер считал современность и бюрократическую рациональность "неизбежными", в то время как Тойнби видел экуменополис, как он называл стадию гигантизма, следующую за стадией мегаполиса, "неизбежным".[21] Эллюль называл урбанизацию тем, "что можно только принять".[22]

Однако, учитывая сегодняшнюю городскую реальность, а также то, как и почему города возникли и продолжают существовать, слова Джеймса Болдуина о гетто в полной мере применимы и к ним: "[его] можно улучшить только одним способом: уничтожить".[23] Между урбанистами, кстати, существует сильный консенсус в том, что "города вновь разделены и поляризованы".[24] Кстати, ещё одним важным аспектом колониальноимпериалистической идеологии является необходимость урбанизации бедных и коренного населения.

Первоначальный монументализм по-прежнему присутствует и подчеркивается в современном городе, с тем же принижением и подавлением личности. Человеческий масштаб стирается высотными зданиями, сенсорная депривация углубляется, а жители страдают от монотонности, шума и других загрязнений. Киберпространство само по себе является городской средой, ускоряющей радикальный упадок физического присутствия и связи. Городское пространство - это постоянно наступающий (вертикально и горизонтально) символ поражения природы и смерти сообщества. То, что Джон Габбертон написал в 1889 году, как никогда актуально сегодня: "Великий город - это большая рана, рана, которую невозможно вылечить".[25] Или, как ответил Кай В. Ли на вопрос о том, возможен ли переход к устойчивым городам: "Ответ - нет".[26]

Доля населения, проживающего в городах, растёт экспоненциально, как и индустриализация. Мегаполис - это новейшая форма городской "среды обитания", всё больше вклинивающаяся между жизнью человека и биосферой.

Это доминирующая культура в самой сути, на своём пике, наиболее доминирующая. Джозеф Грейндж, к сожалению, в целом прав, когда говорит, что это "образцовое место, где

человеческие ценности обретают своё наиболее конкретное воплощение"[27] (если простить каламбур, тоже, к сожалению, весьма уместный). Разумеется, слово "человек" приобретает своё полностью искажённое значение в городском контексте, особенно сейчас. Каждый может увидеть современный "плоский ландшафт", как лаконично выражался Норберг-Шульц (1969), "зоны пустоты", где локализм и разнообразие неуклонно снижаются, если не искореняются.[28] Супермаркет, торговый центр, зал ожидания в аэропорту везде одинаковы, также как офис, школа, многоквартирный дом, больница и тюрьма едва отличимы друг от друга в наших собственных городах.[29]

Мегаполисы имеют больше общего друг с другом, чем с любыми другими социальными организмами. Их жители, как правило, одеваются одинаково и потребляют одну и ту же глобальную культуру, находясь под всё более всеобъемлющим наблюдением. Это противоположно жизни в конкретном месте на земле и с уважением к его уникальности. В наши дни всё пространство становится городским; нет ни одного места на планете, которое не могло бы стать, как минимум виртуально, городским после поворота спутника. Нас обучили и снабдили так, чтобы мы формовали пространство, как если бы оно было объектом. Такое образование необходимо в эту Цифровую Эпоху, в которой города и мегаполисы доминируют в беспрецедентной в истории степени.

Как такое произошло? Как выразился Вебер, "в городах можно найти всё, что угодно, кроме основополагающего принципа, создающего сам город".[30] Но ясно, что представляет и всегда представлял этот фундаментальный механизм/динамика/"принцип". Как предположил Вебер: "Каждое устройство в городе, способствующее торговле и промышленности, подготавливает почву для дальнейшего разделения труда и специализации задач".[31] Дальнейшая массовизация, стандартизация и эквивалентизация.

Копан, Паленке и Тикаль - богатые города цивилизации Майя, заброшенные на пике своего развития, между 600 и 900 годами нашей эры. Подобные примеры из разных культур показывают нам наше будущее. Литература по урбанизму в последние годы стала ещё мрачнее и антиутопичнее, поскольку терроризм и коллапс бросают тень на самые нежизнеспособные продукты цивилизации: города мира. Отказавшись от вечного рабства и хронической болезни городского существования, мы можем черпать вдохновение из таких мест, как бывшие поселения коренного населения на территории нынешней реки Лос-Анджелес. Места, где сфера жизни основана существовании полноценных людей в гармонии с землёй

Примечания

1 Pierre Manent, *Metamorphosis of the City* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2013), p. 27.

2 Lewis Mumford, *The Culture of Cities* (New York: Harcourt, Brace and Company, 1938), p. 6. For all of the valid historical content, Mumford can also lapse into absurdity, e.g., "the city should be an organ of love..." in *The City in History* (New York, Harcourt, Brace, 1961), p. 575.

- 3 Michel de Certeau, *The Certeau Reader* , edited by Graham Ward (London: Blackwell Publishers, 2000), p. 103.
- 4 Stanley Diamond, *In Search of the Primitive* (New Brunswick, NJ: Transaction Books, 1974), p. 7.
- 5 *Ibid .* , p. 1.
- 6 Andrew Sherratt, *Economy and Society in Prehistoric Europe* (Princeton: Princeton University Press, 1997), p. 362.
- 7 Arnold Toynbee, *Cities on the Move* (New York: Oxford University Press, 1970), p. 173.
- 8 Noel Lenski, *Constantine and the Cities: Imperial Authority and Civic Politics* (Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2016), p. 88.
- 9 Nicolas Chamfort, quoted in James A. Clapp, *The City, A Dictionary of Quotable Thought on Cities and Urban Life* (New Brunswick, NJ: Center for Urban Policy Research, 1984), p. 51.
- 10 Jean-Jacques Rousseau, *Emile* , translated by Allan Bloom (New York: Basic Books, 1979), p. 355.
- 11 Richard Sennett, *Flesh and Stone: The Body and the City in Western Civilization* (New York: W.W. Norton, 1994), p. 23.
- 12 Friedrich Engels, *The Condition of the Working Class in England* (St. Albans: Panther Press, 1969), p. 75.
- 13 Alexis de Tocqueville, *Democracy in America v. 2* (New York, Vintage, 1963), p. 141.
- 14 Walter Benjamin, *Illuminations* , translated by Harry Zahn (New York: Schocken Books, 1969), p. 174.
- 15 Kurt H. Wolff, *The Sociology of Georg Simmel* (New York: The Free Press, 1950), p. 413.
- 16 Karl Marx, *Grundrisse* (New York, Vintage, 1973), p. 479.
- 17 A typical and apposite work is Richard Harris, *Creeping Conformity: How Canada Became Suburban*,
1900-1960 (Toronto: University of Toronto Press, 2004).
- 18 Very pertinent is Michael Bull, *Sounding Out the City: Personal Stereos and the Management of Everyday Life* (New York, Oxford University Press, 2000).
- 19 This is not only true in the West. In Arabic civilization, for example, *madaniyya* , or civilization, comes from *madine* , which means city.
- 20 Julia Kristeva, *Strangers to Ourselves* (New York: Columbia University Press, 1991), p. 192.

21 Toynbee, op. city p. 196.

22 Jacques Ellul, *The Political Illusion* (New York: Alfred A. Knopf, 1967), p. 43.

23 James Baldwin, *Nobody Knows My Name* (New York, The Dial Press, 1961), p. 65.

24 Peter Marcuse and Ronald van Kempen, editors, *Of States and Cities: The Partioning of Urban Space* (New York, Oxford University Press, 2002), p. vii.

25 John Habberton, *Our Country's Future* (Philadelphia: International Publishing Company, 1889), cited in Clapp, op. cific, p. 105.

26 Kai N. Lee, "Urban Sustainability and the Limits of Classical Environmentalism," in *Environment and Urbanization* 18:1 (April 2006), p. 9.

27 Joseph Grange, *The City: An Urban Cosmology* (Albany: State University of New York Press, 1999), p. xv.

28 Edward Relph, *Place and Placelessness* (London: Pion Ltd., 1976), p. 6.

29 Meanwhile, phenomena such as "Old Town" areas and historical districts distract from tedium and standardization, but also underline these defining urban characteristics. The patented superficiality of postmodern architecture underlines it as well.

30 Max Weber, *The City*, translated by Don Martindale and Gertrud Neuwirth (Glencoe, IL: The Free Press, 1958), p. 11.

31 Ibid.y p. 21

Версия #4

Чувак создал 14 апреля 2026 17:37:21

Чувак обновил 20 июня 2026 17:37:42